

Въ отношении ко времени, человѣкъ представляетъ точно также строгое сосредоточеніе. Нѣть такой минуты, когда бы человѣкъ могъ сказать: теперь я все, чѣмъ могу быть, теперь я вполнѣ выражаю собою свою сущность. Поэтому минуты человѣческаго бытія различаются по своей важности и существенности, и ни одна изъ нихъ не содержитъ всего человѣка.

ГЛАВА V.

Мнѣніе Хомякова о происхожденіи современного матеріализма.

Хомяковъ производить современный нѣмецкій матеріализмъ отъ Фейербаха, а черезъ Фейербаха отъ Гегеля. Въ своей статьѣ о *современныхъ явленіяхъ въ области философіи* (см. Собр. Соч. Хамякова, Т. 1) онъ объясняетъ, что школа Гегеля перешла въ современный матеріализмъ и что блестательнѣйшее средоточіе этой школы составляетъ Фейербахъ.

Итакъ, вообще Хомяковъ видѣть въ современномъ матеріализмѣ, во первыхъ, *ничто новое*, а во вторыхъ, *ничто логически вытекающее* изъ предыдущаго состоянія философіи, когда господствовало гегельянство. Чтобы оправдать такое объясненіе, онъ прибегаетъ къ той самой методѣ, которую ввелъ Гегель въ исторію философіи, къ тому *закону полярности*, помошю котораго Гегель выводилъ каждую философскую систему изъ системы ей предшествовавшей. Очень страннымъ можетъ казаться то, говорить Хомяковъ, что учение, правда рационалистическое, но въ высшей степени отвлеченнное (ученіе Гегеля), перешло прямо въ противоположную крайность матеріализма. Но, замѣчаетъ онъ, это—явленіе, постоянно возвращающееся въ исторіи философіи и въ исторіи религій.

«Крайность самоубийственнаго йогизма истекаетъ изъ «тѣхъ же началъ шиваизма, изъ которыхъ истекаетъ и «крайнее развитіе физического разврата. Отвлеченійшее изъ «всѣхъ вѣроученій, буддизмъ, съ одной стороны, разрѣ-

«шается въ созерцательный нигилизмъ, а съ другой—пере-
«ходять въ самый грубый фетишизмъ. Словомъ, односторон-
«няя мысль, или, лучше сказать, односторонняя ложь мысли
«заключаетъ въ себѣ или поставляеть по необходимости ложь
«противоположной односторонности, по закону полярности, точно
«такъ, какъ римскій католицизмъ не могъ бе разрѣшиться
въ протестантство» (Т. 1, стр. 303).

Если бы такое мнѣніе было справедливо, т. е. если бы современный материализмъ дѣйствительно логически вытекалъ изъ великой системы Гегеля, то этотъ материализмъ имѣлъ бы великую важность. Но за нимъ невозможно признать такой почетной генеалогіи. *Теорія свирепой имманентности*— вотъ взглядъ, который дѣйствительно имѣеть корни въ гегельянствѣ, составляеть, какъ мы отчасти видѣли, известнаго рода отрицаніе гегельянства и потому можетъ быть произведимъ изъ него по закону полярности. Но Хомяковъ неправильно смѣшалъ эту скользкую и трудно уловимую точку зрењія съ грубымъ материализмомъ, получившимъ ходъ въ Германіи. Свой материализмъ материалисты понимаютъ очень хорошо; въ этой *понятности* заключается даже главная причина заразительности материализма; Фейербаха же они вовсе не понимаютъ, какъ вообще не понимаютъ никакой философіи.

Чтобы убѣдиться въ этомъ различіи, посмотримъ на самый выводъ, которымъ Хомяковъ производить материализмъ изъ Гегеля.

«Критика», говорить онъ, «сознала одно—полную не-
«состоятельность гегельянства, силившагося создать міръ безъ
«субстрата. Ученики его не поняли того, что въ этомъ-то и
«состояла задача учителя, и очень простодушно вообразили
«себѣ, что только стоитъ ввести въ систему этотъ недостаю-
«щій субстратъ, и дѣло будетъ слажено. Но откуда взять
«субстратъ? Духъ, очевидно, негодился, во первыхъ, потому,
«что самая задача Гегеля прямо выражала себя какъ иска-
«ніе процесса, созидающаго духъ; а во вторыхъ и потому, что
«самый характеръ Гегелева рационализма, въ высшей степени
«идеалистический, вовсе не былъ спиритуалистическимъ. И вотъ

«самое отвлеченное изъ человѣческихъ отвлеченностей—гельянство—прямо хватилось за вещество и перешло въ чистѣйшій и грубѣйшій материализмъ. Вещество будеть субстратомъ, а затѣмъ *система Гегеля сохранится, т. е. сохранится терминология, большая часть определений, мысленныхъ переходовъ, логическихъ приемовъ и т. д., сохранится, однимъ словомъ, то, что можно назвать фабричнымъ процессомъ Гегелева ума.* Не дожилъ великій мыслитель до такого посрамленія, но можетъ быть и не осмѣлились бы его ученики рѣшиться на такое посрамление учителя, если бы гробъ не скрылъ его грознаго лица».

Здѣсь ясно, что попасть на правду Хомякову помѣшало только предвзятое убѣженіе, что Фейербахъ въ извѣстной точкѣ вполнѣ совпадаетъ съ грубымъ материализмомъ. Какъ мы видѣли, «вещество вообще»— еще меньше существуетъ для Фейербаха, чѣмъ «голова вообще». Не только не беретъ Фейербахъ вещества за субстратъ, скорѣе можно сказать, что онъ вовсе не ищетъ и не хочетъ никакого субстрата. Онъ какъ-будто хочетъ сказать: субстрата не нашли и не создали, да онъ и не нуженъ; всякое его исканіе и созиданіе есть ложь и софизмъ.

Материалисты же, напротивъ, легко поддаются этому софизму, столь свойственному человѣческому уму; они прямо хватаются за первое, что можетъ играть роль субстрата и признаютъ истиннымъ субстратомъ міра вещество.

Еще больше подтверждаютъ нашу мысль тѣ слова въ отрывкѣ Хомякова, которыя мы подчеркнули. Онъ увѣряетъ, что въ этомъ материализмѣ *сохраняется терминология Гегеля, большая часть определений и проч.* Это вполнѣ справедливо относительно Фейербаха, но совершенно невѣрно относительно материализма. Фейербахъ дѣйствительно—гегельянецъ въ каждомъ своемъ словѣ; приемы его мысли, его логические переходы—чисто гегелевскіе. Онъ самъ ни разу даже не пробовалъ объяснить, чѣмъ разнится его діалектика отъ гегелевской, гдѣ тотъ поворотъ въ методѣ, на которомъ онъ разошелся съ Гегелемъ. Мысль его, очевидно, движется по той же линіи, какую описываетъ мысль Гегеля; но между тѣмъ какъ Гегель свободно направляется и въ ту, и въ другую сторону, Фейербахъ упорно пятится къ одному концу.

Совершенно другое дѣло—материалисты. Если судить по ихъ терминологіи, опредѣленіямъ, логическимъ приемамъ о происхожденіи материализма, то обмануться здѣсь нѣть никакой возможности. Гегелевскаго здѣсь ничего нѣть. Весь логическій строй современныхъ материалистовъ получилъ свое начало вполнѣ и несомнѣнно отъ Декарта, отъ того самого Декарта, который сказалъ: «дайте мнѣ вещество и движение, и я построю вамъ міръ». Вотъ генеалогія материализма, которую можно подтвердить безчисленными доказательствами.

Какъ натуралисты нашего времени идутъ все по тому же пути, по которому шла эпоха Возрожденія, по пути Коперника и Галилея, такъ точно современные материалисты въ логическомъ отношеніи ничѣмъ не отличаются отъ материалистовъ, порожденныхъ когда-то школою Декарта. Фактъ этотъ такъ ясенъ, что не допускаетъ никакого сомнѣнія.

Итакъ, въ нѣмецкомъ материализмѣ нѣть ничего новаго, а если такъ, то и нельзя его выводить изъ предыдущаго философскаго настроенія. Онъ не слѣдуетъ логически изъ гегельянства, не порожденъ изъ него по закону полярности, а объясняется въ своемъ историческомъ появленіи другимъ закономъ, именно той боязнью пустоты, *horror vacui*, которая свойственна человѣческому духу и на которую сводятся многія явленія человѣческой истории. Все равно, какъ и почему, но только философія утратила свою власть надъ умами въ Германіи; она оставила послѣ себя пустое, незанятое мѣсто, и вотъ материализмъ, который никогда не исчезалъ со временемъ Декарта, занялъ собою это свободное пространство. Его распространеніе есть не что иное, какъ отрицательный знакъ, мѣра недостатка силы истинной философіи.

Явленія умственного міра несравненно живучѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Въ настоящее время можно слышать множество толковъ о материализмѣ и его противоположности—спиритуализмѣ; всѣ эти толки, за весьма малыми исключеніями, ведутся въ томъ же духѣ, съ тѣми же приемами мысли и понятія, какіе свойственны Декартовой философіи. Между тѣмъ, и этотъ материализмъ и этотъ спиритуализмъ давно уже не существуютъ въ философіи, давно уже записаны ею въ свою исторію.

ГЛАВА VI.

Значение Фейербаха^{*)}

Нѣкоторыя черты въ складѣ мышленія Фейербаха, приведенные выше, могутъ показаться смѣшными и странными. Наше отношеніе къ нимъ будетъ правильнѣе, если мы посмотримъ на нихъ серіозно; тогда онъ скорѣе покажутся намъ страшными, чѣмъ смѣшными. Въ самомъ дѣлѣ, неизгладимая болѣзньность слышится въ этихъ отчаянныхъ попыткахъ вырваться изъ какого-то заколдованныго круга. Быть можетъ, эта черта всего лучше наведетъ на мысль объ истинномъ назначеніи Фейербаха. Фейербахъ—сынъ своего времени, сынъ нашего вѣка,—а напѣтъ вѣкъ есть вѣкъ пессимизма, вѣкъ, страдающій глубокимъ недовольствомъ. Само собою разумѣется, что мы говоримъ здѣсь не объ Россіи, таящей свои умственныя силы, а объ Европѣ, о Западѣ, настроеніе которого вполнѣ выражается и обнаруживается въ его философахъ и писателяхъ.

Чтобы убѣдиться въ пессимизмѣ нашего вѣка, стоить только сравнить съ нимъ вѣкъ оптимизма—прошлое столѣtie. Казалось бы, и въ этомъ столѣtіи было столько недовольства, столько страданій, столько стремленій къ разрушению; а между тѣмъ, по умственному настроенію, по пониманію міра и людей, это была эпоха радости, эпоха величайшихъ и свѣтлыхъ надеждъ, минута небывалаго восторга, овладѣвшаго человѣчествомъ. Критика того времени была бодра и самонадѣянна. Все нужно было преобразовать, но всѣ были увѣрены, что преобразовать было возможно; все нужно было исправить, но никто не сомнѣвался въ возможности и бли-

^{*)} Статья о Фейербахѣ писана тогда, когда я еще не былъ знакомъ съ Шопенгауэромъ; иначе, какъ замѣтить читатели, мнѣ слѣдовало бы указать и на него, какъ на разительное подтвержденіе своей мысли. Съ Шопенгауэромъ я познакомился только въ 1866 г., благодаря С. П. Автократову, который былъ въ числѣ молодыхъ людей, посланныхъ въ 1862 г. за границу для приготовленія къ профессурѣ, и вывезъ оттуда восторженное поклоненіе Шопенгауэрѣ. Имѣя тогда очень мало времени для чтенія, я сталъ, однако, читать философа-пессимиста и скоро раздѣлилъ этотъ восторгъ. Пишу это для извиненія передъ читателями.

зости исправленія. Было множество желаній, множество страданій; но всякий думалъ, что эти желанія исполняются и страданія устраниются.

Мыслители того времени твердо вѣрили въ разумъ и говорили: нужно изгнать суевѣрія и заблужденія, пусть всюду царствуетъ та истинная философія, которую мы нашли. Точно также они были полны надеждъ и въ сферѣ материальной. Всѣ материальные страданія, говорили они, происходятъ отъ неправильного устройства общества: стоитъ дать обществу правильное устройство, и страданія исчезнутъ. Современное имъ устройство они отвергли, но они знали, чѣмъ замѣнить его, какое новое устройство поставить на его мѣсто.

Такимъ образомъ, люди прошлаго вѣка твердо вѣрили въ свои идеалы, въ свою философію и свои политические планы; поэтому они были счастливы. Это было время, когда, въ силу такой вѣры, умъ человѣческій вздумалъ распоряжаться жизнью; онъ былъ отуманенъ своими надеждами, былъ гордъ своими будущими успѣхами.

Въ нашъ вѣкъ—какое разочарованіе! Розовыя мечты исчезли и гордость человѣческая, кажется, сломлена въ самомъ своемъ корнѣ. Западная критика нашего времени получила характеръ неслыханной мрачности и безнадежности. Представители ея ведутъ рѣчи, составляющія величайшій контрастъ съ рѣчами прошлаго вѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, является одинъ (именно Фейербахъ) и говоритъ: моя философія состоитъ въ томъ, что я отрицаю всякую философію, ибо всякая философія *теологична*.

Является другой критикъ (Прудонъ) и говорить: материальное благосостояніе людей невозможно; его обѣщаютъ вамъ съ одной стороны соціалисты, съ другой политическая экономія; но легко убѣдиться въ тщетѣ этихъ надеждъ. Я докажу вамъ, что соціализмъ невозможенъ, но что въ то же время и политическая экономія несостоятельна.

Является третій (Герценъ) и говорить: никакое счастье въ настоящее время невозможно. Никакой прогрессъ—нравственный, умственный, политический не ведеть насъ къ лучшему, потому что вся наша цивилизациѣ падетъ, весь строй жизни оказывается несостоятельнымъ и долженъ погибнуть, какъ погибла древняя жизнь во времена появленія христіанства.

Послѣ этихъ глубокихъ отрицаній, не замѣняющихъ отрицаемаго ничѣмъ положительнымъ, какъ замѣняли его отрицанія прошлаго вѣка, оставалось сдѣлать еще одно послѣднее отрицаніе, и оно дѣйствительно приходило на языкъ западныхъ мыслителей. Именно, остается только *отрицать человека*. Пусть цивилизація гибнетъ, пусть не спасаетъ насъ политическая экономія, пусть нужно отвергнуть и философію, и религию; можно все-таки думать, что послѣ всей этой гибели останется человѣчество, которое пойдетъ къ новымъ идеаламъ, къ новымъ формамъ жизни и мысли. Отрицать это—вотъ конецъ отрицанія. И до него дошелъ Западъ въ силу неизбѣжной логики. Не разъ было сказано, что человѣкъ есть неудавшееся созданіе, попытка природы, въ родѣ тѣхъ странныхъ ископаемыхъ твореній, которыя были переходными ступенями къ формамъ вынѣшнихъ земныхъ тварей. Если такъ, то нужно ждать нового геологического переворота, въ которомъ погибнетъ человѣчество. Тогда новое созданіе, которое займетъ мѣсто человѣка, можетъ быть, представить ту красоту и то достоинство жизни, которое для нась, людей, невозможно.

Такимъ образомъ, западная критика, какъ намъ кажется, вполнѣ раскрылась; она дошла до конца, обнаружила всѣ свои тайны, проявила все свое содержаніе. Поэтому самому, кажется, нѣть ничего легче, какъ опровергать эту критику. Мысль такъ выяснилась, что сама указываетъ на свое противорѣчіе. Новые критики, повидимому, дошли до крайнихъ нелѣпостей, до опроверженія самихъ себя.

Въ самомъ дѣлѣ, что говорить, напримѣръ, Фейрбахъ, этотъ послѣдній философъ? Онъ отвергаетъ религию, *потому что* отвергаетъ философію. Если онъ дѣйствительно вооруженъ на религию, то, очевидно, онъ оказываетъ такимъ пріемомъ плохую услугу своему дѣлу. Прежде думали, что это дѣло гораздо проще, что можно отвергать религию на основаніи философіи; теперь же оказывается другое: чтобы вполнѣ отвергнуть религию, нужно непремѣнно отвергнуть всякую философію. Одно безъ другого невозможно. Очевидно, дѣло усложняется. Отвергать религию—дѣло понятное; мы уже привыкли къ нему и освоились съ нимъ; но отвергать философію—это не всякий и сообразить, или, по крайней мѣрѣ, мы

не очень уважаемъ тѣхъ, которые ужь очень легко это соображаютъ. Очевидно, на нась налагаются болѣе трудныя условія, чѣмъ прежде; намъ говорятъ: если отвергаешь религію, то непремѣнно отвергай уже и философію, а иначе ты будешь непослѣдователенъ. Какое же отсюда прямое слѣдствіе? Очевидно, Фейербахъ открылъ болѣе тѣсную связь между религіею и философіею, чѣмъ какую признавали прежде очень многіе. Онъ нашелъ, что одна необходимо требуетъ другой, что, отрицая одну, нужно отрицать и другую. Слѣдовательно, онъ показалъ, что отрицаніе гораздо *труднѣе*, чѣмъ мы думали прежде, доказалъ, что явленія человѣческой души имѣютъ болѣе тѣсную связь, чѣмъ мы прежде легкомысленно полагали. Какъ жизненное явленіе, религія сильнѣе и распространеннѣе философіи; но если дѣло идетъ о доказательствахъ, то, очевидно, *доказывать*, что нужна и возможна философія, гораздо легче, чѣмъ доказывать, что нужна и возможна религія. А по Фейербаху, какъ скоро доказана философія, то доказана и религія. Итакъ, вся аргументація Фейербаха только усиливаетъ то дѣло, противъ котораго она направлена.

То же самое можно сказать и о другихъ критикахъ нашего времени. Прудонъ доказываетъ (возьмемъ одну сторону) невозможность материальнаго благосостоянія на основаніи несостоятельности политической экономіи. Это значитъ, что материальнія бѣдствія являются не потому, что не соблюдаются извѣстныя правила, а потому, что вовсе нѣть правиль, соблюденіе которыхъ ручалось бы за материальное благосостояніе. Но если такъ, то бѣдствія, порождаемыя существующимъ экономическимъ порядкомъ, можетъ быть, суть *неизбѣжное зло*, такое же зло, какъ голодъ, болѣзнь, смерть и подобныя неотвратимыя слѣдствія самой природы человѣка. Если такъ, то законы политической экономіи тѣснѣе связаны съ сущностю вещей, *необходимые*, чѣмъ мы до сихъ поръ полагали. Аргументація Прудона идетъ въ пользу той науки, противъ которой онъ вооружился.

Точно также тотъ, кто видитъ источникъ бѣдствій не въ частныхъ какихъ-нибудь явленіяхъ, не въ суевѣріи, не въ философіи, или экономическомъ порядкѣ, а въ цѣломъ строѣ современной западной цивилизациі,—что онъ доказы-

ваетъ своими доводами, какъ не то, что эта цивилизация есть нѣчто *иѣлое*, тѣсно связанное во всѣхъ своихъ частяхъ и проявленіяхъ, такъ что ее нужно или разомъ признать, или разомъ отвергнуть? Изъ отрицанія цивилизациіи выходитъ, что она есть стройный организмъ и потому неизбѣжно должна умереть цѣликомъ, а не такъ, что однѣ части ея умрутъ, а другія останутся живыми и здоровыми. Значитъ, различные стороны цивилизациіи гораздо глубже и тверже связаны, чѣмъ мы думали.

Мы видѣли, наконецъ, что дѣло дошло до отрицанія человѣка. Очевидно, оно можетъ имѣть только такой смыслъ: для человѣка, по самой сущности вещей, возможна только одна, только эта западная цивилизациія. И слѣдовательно, если она не удалась, если она больна и умираетъ, то нѣть болѣе надежды на человѣка.

Итакъ, вотъ отвѣтъ современной критикѣ, который она сама вызываетъ своими сужденіями. Оказывается, что стоить только повѣрить въ человѣка—и мы повѣримъ во всю эту блестательную цивилизацию; мы принуждены будемъ повѣрить во всѣ ея проявленія, какъ въ необходимыя проявленія самой природы человѣка; слѣдовательно, мы повѣримъ и въ ея политическую экономію, и въ ея философію, и въ ея религию.

Все это, конечно, справедливо, но нельзя не видѣть, что все это еще ни мало не рѣшаетъ дѣла, не распутываетъ загадки. А именно: представители этой безнадежной критики суть, конечно, сыны своего времени, дѣти той самой цивилизациіи, о которой они говорятъ. Этого мало: они суть люди въ высокой степени замѣчательные по своему чуткому сочувствію къ жизни и потому самому невольно привлекаютъ къ себѣ и возбуждаютъ вниманіе. Спрашивается, откуда же явилось ихъ болѣзnenное настроеніе? Спрашивается, откуда эта неловкость, которую они чувствуютъ на самомъ лонѣ матери, ихъ воспоиншой и вскорившой—западной цивилизациіи? Очевидно, нѣть мира въ ихъ душѣ, они потеряли свѣтъ, который бы ихъ руководилъ и согрѣвалъ.

А если такъ, то это дурной признакъ для западной цивилизациіи. Если въ ея организмѣ являются такие страшные симптомы, то ее трудно считать вполнѣ здоровою и крѣп-

кою. Если въ ней такъ часто не находять себѣ спасенія и успокоенія души алчущія и жаждущія правды, то значитъ, есть какое-то глубокое, можетъ быть коренное зло, которымъ страдаетъ эта цивилизация.

Итакъ, вотъ разрядъ явлений, къ которому мы, кажется, имѣемъ полное право причислить Фейербаха, и гдѣ заключается его истинное значеніе. Онъ принадлежитъ къ той безнадежной пессимистической критикѣ, которая разъѣдаетъ собою въ настоящее время духовный строй Европы. Въ этой критикѣ онъ составляетъ замѣчательное явленіе, всего яснѣе обнаруживающее самую тайну критики. Западныхъ людей нынѣ тѣснить ихъ цивилизациѣ, тѣснить все, что они у себя имѣютъ. Имъ тѣсно и неловко среди ихъ нравовъ и привычекъ, среди ихъ политическихъ, экономическихъ и всякихъ формъ. Возьмите^{*} самое естественное, самое правильное, самое мирное отношение, напримѣръ, отношение матери къ сыну, или отношение человѣка умственно развитаго и свѣдущаго къ человѣку неразвитому и несвѣдущему, — и эти отношения кажутся стѣснительными для западныхъ людей. Они декламируютъ противъ деспотизма ума и противъ деспотизма материнской любви. Таково странно-безпокойное настроеніе ихъ умовъ. Фейербахъ явно принадлежитъ къ этому настроенію. Онъ чувствуетъ себя тѣсно и не ловко *среди понятій* и декламируетъ противъ деспотизма мысли. Явленіе въ высшей степени поразительное, потому что власть мысли есть самая законная и ясная изъ всѣхъ властей и, хотя она все-сильна и непреклонна, никогда не была чувствуема и понимаема людьми какъ деспотизмъ.

Вотъ нѣкоторые факты изъ современной жизни Запада, факты, обнаружившіе себя съ большою силою и записанные нами по нашему крайнему разумѣнію.

1864 г. 12 іюня.